

ЮБИЛЯРИЙ

Сегодня у известного режиссера Сергея Арцибашева — юбилей. Почти одновременно художку театра "На Покровке" стукнул полтинник, его детищу — 10 лет, а количество поставленных им спектаклей перевалило за сотню еще раньше. Однако на днях корреспондент "МК" застал известного режиссера, обосновавшегося в чужом очаге культуры. В Театре сатиры Арцибашев вновь репетировал спектакль "Орнифль, или Сквозной ветерок". Премьера — сегодня вечером.

— Почему вы, имея свой театр, ставите спектакли "на стороне"? Вам у себя тесно?

— Нет, мне не тесно. Но когда друзья просят меня поработать с ними, то я иногда соглашаюсь, как сейчас. Тем более что с Ширвиндтом и Державиным мы уже работали вместе над спектаклем "Счастливых — Несчастливых".

— Признайтесь, этот спектакль делаете как "подарочный" себе к круглой дате?

— На самом деле это не подарок, а работа, но раз так совпало... Я себе много подарков сделал, в том числе две премьеры в моем театре. Там 15 сентября я сыграю в "Пяти вечерах" Александра Володина, которые я поставил и где играю главную мужскую роль. Другая премьера — пьеса "В тишине", где занята молодежь театра.

НЕСКОМРОМНИК С ПОКРОВКИ УМОЕТ КАЖДОГО

МИХАИЛ ГИТЕРМАН

Арцибашев учит целоваться молодых актрис

— Круто берете: в 40 лет — театр, в 50 — три спектакля... А, например, в 30 лет вы были скромнее?

— Нет, особо скромным я никогда не был, хотя сам всегда считал себя таким — кажется, я никогда не толкался локтями и никуда не пробивался. Правда, в 25 лет, когда я только учился актерскому мастерству в Свердловском театральном училище, я громкогласно объявил однокурсникам, что через 10 лет буду главным режиссером. Я не рассчитывал на столицу — тогда я бы дал себе больший срок. В Москве я стал главным режиссером в 37 с половиной — в Театре комедии.

— Почему в своем театре вы захватываете себе главные роли во многих спектаклях — не находите достойных актеров или пользуетесь служебным положением?

— Естественно, пользуясь служебным положением: в большей степени это мои эгоистические честолюбивые актерские дела, которые мне хочется удовлетворить. Кто это мне из режиссеров предложил бы сыграть Гамлета или Мольера?..

— А угрызения совести не мучают?

— Нет, потому что это вещи, которые мне всегда хотелось сделать. В театральном училище мне заранее определили амплуа комика, и я смотрел на себя из глазами: "Ну конечно, ты не Чацкий и не герой-любовник. Только характерный и комический актер". Можно было с этим не соглашаться внутренне, но продолжать делать только то, что дают. Я же решил доказать педагогам, что я "больше". Мне шли навстречу, и только за первый курс я перешел из простых комиков в драматические. К концу учебы в дипломном спектакле я уже играл Федю Протасова.

В этот момент Арцибашев в очередной раз срывается со своего режиссерского кресла и со словами: "Сейчас, только покажу им, как надо играть!" — мчится на сцену. Там молодая актриса стесняется, словно школьника, страстного поцелуя со своим возлюбленным. "Давай я тебя поцелую!" — предлагает Арцибашев. Этот вариант ее не устраивает, и она что-то отвечает, тушуясь. "Ему еще нет пятидесяти, не наговаривай!" — подстывает желая артиллерия в лице Ширвиндта. — Давай со мной, я покажу". Но молодежь решает справиться сама. Худрук Сатиры кидается обратно на свою кроватку посреди сцены и возмущенно кричит слова из роли: "Кошмар! У постели умирающего отца, как звери! Хотя бы подождите, пока остынет тело!" Арцибашев потирает руки и садится на место.

— Ну и как актеры реагируют на то, что вы переигрываете за них все роли?

— Они смеются. Но те, что со мной давно работают, привыкли и знают, что словами мне намного дольше все объяснять, чем сыграть, и что-то из моей игры они улавливают.

— Из Театра на Таганке, где у вас стаж 9 лет, вы уходили из-за несовпадения мнений с руководством?

— На Таганке был мой дебют на московской сцене, причем я попал в самый зенит его славы. Но потом пошли трагические события: умер Высоцкий, уехал Любимов, и амплитуда моих жизненных и профессиональных отношений с театром металась снизу вверх с необыкновенной быстротой. Потом пришел Эфрос, затем Губенко. Время уходило, а моих новых спектаклей не было...

— Сейчас "На Покровке" играет ваш сын. Он пойдет по вашим стопам?

— Ему 17 лет, он серьезно занимается фортепиано, и я занял его в спектакле "Пастух", где ему нужно исполнить живую одну композицию — я хотел показать, как Ленин слушает "Аппассионату". Где-то в 93-м году я тоже хотел использовать его как пианиста — сына главной героини, которая его муштрует. Но потом я понял, что мои репетиции не совпадают с его уроками...

— А вы занимаетесь муштрой сына?

— Нет, хотя, по моей легенде, именно я подобрал сына на занятия музыкой. Как-то раз он не хотел заниматься и просто барабанил по клавишам — по басам. Я вместо того, чтобы ругать его, сказал: "Это как будто медведь идет через бурелом. О, а это личика или зайчик!" Через неделю он зовет меня, начинает наигрывать мелодии и интересоваться, на что это похоже... Мне кажется, что ему сейчас интересно со мной, и чувствую, что многие его остренькие вопросы с некоторой подковырочкой — на житейские темы, по поводу отношений с девушками интересуются: "Как у тебя было?"

— Честно отвечаете?

— Стараюсь честно и откровенно. Вспоминаю свои ошибки — пусть он на них учится...

Мария КОСТЮКЕВИЧ.